

А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917—1919 гг.

В.В. Каминский

Александр Иванович Андогский родился 25 июля 1876 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье ¹. В 1898 г. «с дипломом первой степени» закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета ², затем выдержал офицерский экзамен при Павловском военном училище ³. В 1905 г. закончил Академию генерального штаба (АГШ) «...с премией на заграничную военную командировку» ⁴. В строевой карьере Андогского не было ничего примечательного. После окончания АГШ он «...был назначен на службу в штаб Петербургского Военного Округа (ПВО)... С объявлением войны Александр Иванович ...был взят помощником старшего адъютанта оперотдела при штабе 2-ой армии генерала А.В. Самсонова) и с нею участвовал в операции в Восточной Пруссии...». К моменту открытия при Академии ускоренных курсов (30 сентября 1916 г. ⁵) Андогский был командиром 151-го Пятигорского пехотного полка ⁶.

Зато академическая карьера Андогского развивалась стремительно. Уже после службы в штабе ПВО он «...перешел преподавателем в Академию (Генштаба) для подготовки к профессуре. До первой мировой войны Андогский состоял преподавателем Академии, специализируясь по тактике, и писал диссертацию на очень интересную и злободневную тему: “Встречный бой”» ⁷. Перед первой мировой войной Андогский, находясь в чине «Генштаба капитана», привлекался в качестве сотрудника, а следовательно и автора ряда статей «Военной Энциклопедии», I том которой был издан в 1911 г. в знаменитом издательстве И.Д. Сытина ⁸. Авторитет Андогского как военного ученого и педагога уже в это время был столь велик, что осенью 1913 г. он был «...преподавателем у сыновей Великого князя Константина Константиновича — Олега и Константина» ⁹.

С 7 декабря 1916 г. Андогский был командирован для временного исполнения должности правителя дел АГШ, а в период между 3 января — 8 февраля 1917 г. был назначен на эту же должность, как на постоянную ¹⁰. «...Академия сразу же заработала весьма интенсивно, применительно к последним довоенным программам...» ¹¹.

26 марта 1917 г. военный министр Временного правительства А.И. Гучков уведомил и.д. Начальника АГШ Генштаба генерал-майора В.Н. Камнева о «допустимости и желательности» применения выборного начала при избрании и назначении Начальника Академии...». Кандидатами на должность

Каминский Валерий Владимирович — доктор философии. Университет им. Бен-Гуриона в Негеве, г. Безр-Шева. Израиль.

Начальника АГШ могли стать генералы или полковники Генштаба, «пользующиеся в военном мире известностью, имеющие высокий моральный (то есть должны были быть далеки от каких-либо политических воззрений) и военно-научный авторитет», иметь «...боевой опыт в текущую войну по командованию полком или дивизией». 18 июля 1917 г. особая комиссия (3 старейших профессора, избранных конференцией Академии, и по одному представителю от военного министра, ставки главноверха и Главного управления Генштаба) провела подсчет голосов. Наибольшее число голосов получили: бывший профессор академии генерал-лейтенант Н.Н. Головин — 410; полковник А.И. Андогский — 373; генерал от инфантерии М.В. Алексеев — 76 и генерал от кавалерии А.М. Драгомиров — 36. Соседство полковника Андогского рядом со столь авторитетными военными учеными и высокими чинами Генштаба лишний раз подчеркивает его высокий авторитет в академической среде. Хотя количество поданных за него голосов уступало аналогичному показателю у Головина, Керенский, сменивший Гучкова на посту военного министра, «избрал и утвердил» Начальником АГШ именно Андогского, получившего к тому моменту звание экстраординарного профессора¹². Принятию такого решения способствовало, видимо, то обстоятельство, что именно он на момент голосования занимал должность правителя дел АГШ и, следовательно, уже имел практический опыт управления Академией.

Профессор АГШ Генштаба генерал-майор М.А. Иностранцев факт назначения Андогского Начальником АГШ прокомментировал следующим образом: «...справедливость требует признать, что назначение на эту должность именно Андогского было спасительным для Академии в бурное революционное и в наступившее после него, еще более обильное подводными камнями — большевистское время. Благодаря исключительной ловкости и гибкости этого человека, неподражаемого в умении влезать в душу, не стеснявшегося в приемах и не брезговавшего в своих целях дружбою не только с Керенским, но даже далее и с Троцким, Академия не была разгромлена и уцелела, хотя и навлекши на себя, в крайних правых кругах, обвинение в «большевизации», потворстве коммунизму и т.д. Несомненно, что своей ловкостью и принаравливанием Андогский, прежде всего спасал самого себя, но нельзя не признать, что спасая себя, он спасал и Академию и спас так, как едва ли бы удалось это сделать кому-либо другому. ...К положительным качествам Андогского надо отнести удивительную способность приспособляться ко всяким обстоятельствам, сыгравшую впоследствии для всей Академии весьма полезную роль, и умение оказывать влияние на своих начальников, а также завоевывать себе популярность среди подчиненных». «Это был человек умный, хитрый и очень ловкий, обладавший громадным честолюбием...»¹³. Генерал К. Гоппер отмечал, что кадровые офицеры Академии «все в один голос с восторгом, даже некоторым преклонением отзывались о начальнике Академии генерале Андогском. Надо отдать справедливость, что генерал Андогский действительно проявил выдающийся педагогический талант, сумев так сплотить и повлиять на достаточно уже поживших людей»¹⁴.

Сразу после большевистского переворота Андогский собрал слушателей Академии и дал им «...наставление “держать язык за зубами” и строго взвешивать свои слова и поступки. Начальник Академии предупредил их, что всякая неосторожность и распушенность в этом отношении может повести к серьезной опасности как само существование Академии, так и личное благополучие их самих». Когда офицерам стало небезопасно появляться в униформе на улице Андогский был всерьез «...озабочен вопросом — как побудить (профессора АГШ) Витковского снять погоны, или одеть статское платье...». Когда в одной из бесед с Троцким, имевшей место не позднее марта 1918 г., большевистский Наркомвоенмор жестко заявил Начальнику АГШ, что «...об эвакуации Академии на юг России не может быть и речи...», Андогский по его собственным словам «...сделал обиженный вид и указал собеседнику, что Академия кажется ничем не заслужила к себе недоверия. И, хотя она конечно беспрекословно подчинится решению Совнаркома, но сама мысль о том,

что относительно нее у властей могут закрадываться какие-либо подозрения, является для нее незаслуженной и обидной»¹⁵.

Свойственные Андогскому «изворотливость» и «легкая приспособляемость к обстоятельствам» и даже его борьба за сохранение статуса Академии в «смутное время» конца 1917—1918 гг. в немалой степени были обусловлены социально-бытовыми, семейными мотивами. Андогский «...обладал очень большой семьей, ибо женился на разведенной, имевшей уже несколько детей и прижил с нею еще детей. Супруга его вообще требовала больших средств, а в связи с большой семьей, и тем более»¹⁶. Это подтверждается удостоверением № 6063, выданным «семье Начальника Военной Академии РККА Андогского» строевой частью Штарма-3 в июле 1918 г. в Екатеринбурге. В удостоверении подтверждалось наличие в семье 6-х «малолетних детей»¹⁷.

Однако тот факт, что профессиональная деятельность Андогского была в немалой степени обусловлена стремлением сохранить и укрепить свой собственный материальный и службный статус, отнюдь не умаляет его заслуг, прежде всего, в деле налаживания непрерывного учебного процесса в стенах АГШ в то «смутное» для России время. Причем Андогский служил большевиком вполне добросовестно, о чем свидетельствует целый ряд факторов.

Во-первых, сразу же после революции Начальник АГШ активно включился в процесс создания большевистских вооруженных сил. С 20 ноября 1917 г. по 28 января, а затем, в начале марта 1918 г. он участвовал в Брест-Литовских переговорах с Германией, а 20 февраля 1918 г. — в военном совещании большевиков, посвященном проблемам обороны Петрограда на случай немецкого наступления¹⁸. 9 марта 1918 г. Совнарком принял постановление «О создании комиссии военспецов для выработки (...не позднее 15 марта) плана образования военного центра для реорганизации армии». Наряду с другими видными военспецами в эту Комиссию вошел и Андогский¹⁹, что свидетельствует о военно-организационном авторитете Андогского в глазах новой власти в указанное время.

Во-вторых, именно на плечи Андогского легла забота о непосредственной подготовке АГШ к эвакуации из Петрограда в Екатеринбург (в марте 1918 г.), а оттуда — в Казань (23—24 июля). Об этом свидетельствует ряд документов. Еще перед первой эвакуацией Академии Андогский вел переговоры с Троцким о предполагаемом месте эвакуации, хлопотал о предоставлении для Академии удобных вагонов, о решении «бытовых проблем» остающихся в Петрограде членов академического штата. 8 июля 1918 г. Андогский был «...потребован в Совдеп и там ему было передано [комиссаром] Белобородовым, что [Совнарком] требует эвакуации Академии из Екатеринбурга в срок не более 2-х дней»²⁰. Именно Андогскому 21 июля была отправлена копия приказа Троцкого № 162 со следующим распоряжением: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут оставлены». 23 июля Андогский докладывал Троцкому в Москву о том, что «распоряжением Главкома Вацетиса и РВС и ближайшим указанием Штафронта Уральского личный состав и часть учебного имущества Академии отправляются в Казань...»²¹.

В-третьих, как в Петрограде, так и в Екатеринбурге Александр Иванович, будучи Начальником АГШ, не в последнюю очередь должен был заниматься налаживанием непрерывного учебного процесса в Академии, что было весьма нелегко в «смутные дни» 1918—1920 годов. В соответствии с «Положением об ускоренной подготовке офицеров в Императорской Николаевской Военной Академии в течение настоящей войны», утвержденным Николаем II 30 октября 1916 г., 1 сентября 1917 г. должны были открыться ускоренные курсы обучения в АГШ 3-ей очереди²². Необходимость эвакуировать Академию в Екатеринбург (март 1918 г.) неизбежно нарушала установленный порядок обучения. Ответственность за разрешение этого важнейшего для Академии вопроса ложилась, прежде всего, на плечи ее начальника. 30 апреля Начальник Генштаба РККА Н.М. Потапов подписал приказ, ад-

ресованный Андогскому. «Во исполнение постановления ВВС и приказа Наркомата по военным делам об открытии постоянных, правильных занятий во вверенной Вам Академии, — предписываю Вам спешно отправиться из Петрограда в Екатеринбург, в место нового расположения Академии»²³. Приведенный приказ не только подтверждает решающую роль Андогского в деле налаживания учебного процесса в Академии, но и наглядно свидетельствует о доверии, которое военное руководство испытывало к Начальнику АГШ. Наличие такого доверия подтверждается и тем фактом, что уже в бытность нахождения АГШ в Екатеринбурге именно Андогский был вызван Троцким в Москву «...для обсуждения вопроса о реформе Академии и дальнейшей ее судьбе». Александр Иванович вернулся из этой командировки как раз к моменту эвакуации АГШ в Казань. О том, насколько ответственно Андогский относился к делу подготовки в стенах Академии специалистов для Красной армии, свидетельствует его дискуссия с большевистским комиссаром Я. Берзиным, состоявшаяся в Екатеринбурге. Когда последний заявил, что «ввиду ...назревающей гражданской войны, требования к выпускаемым из Академии офицерам должны быть значительно понижены...», Начальник АГШ ответил, что «в таком случае Академия не может вполне ручаться за даваемых ею штабных работников и заранее будет просить снять с нее ответственность за подготовку»²⁴.

Важнейшей заслугой Андогского, своеобразным итогом его деятельности в должности Начальника АГШ РККА следует считать факт успешного выпуска 143 «офицеров, окончивших подготовительные курсы третьей очереди военного времени в АГШ РККА (в июне 1918г.)»²⁵.

В-четвертых, Андогский проявил себя военным ученым и педагогом. Не прекращая руководить деятельностью Академии, он одновременно преподавал в ней. Например, в январе — феврале 1918 г. в Петрограде Андогский в АГШ читал лекции по «Службе Генштаба» на подготовительных курсах 2-й и 3-ей очередей. Александр Иванович продолжал преподавать в Академии и в Екатеринбурге, причем, читал там лекции «сверх обязательной нормы» и вел практические занятия по следующим дисциплинам: тактика, военная администрация, военная статистика, служба Генштаба²⁶.

Наконец, *в-пятых*, являясь к середине лета 1918 г. бессменным Начальником АГШ и ее профессором-преподавателем, Андогский одновременно используется «...руководством 3-ей Красной Армии в роли консультанта по обороне Урала»²⁷.

В начале августа 1918 г. в биографии Андогского наступает качественно новый этап. Академия (22 члена ее персонала и несколько десятков курсантов) прибывает в Казань, а спустя несколько дней город захватывают белочехи²⁸.

Существует мнение, что якобы еще «накануне падения Казани (5 августа 1918г.) профессорско-преподавательский состав Военной академии во главе с ее начальником А.И. Андогским в полном составе отказался принять участие в обороне города от наступающих белогвардейских войск, поставив себя тем самым в положение противников Советской власти»²⁹.

Однако мнение, что Андогский заранее (то есть 5 августа) знал о предстоящем взятии Казани белочехами, не соответствует реальности. Вообще, серьезные сомнения вызывает сама дата взятия Казани, достаточно распространенная в литературе (в ночь на 7 августа 1918 г.)³⁰. Анализ различного рода материалов заставляет «отодвинуть» реальный срок занятия Казани «белыми» вплоть до 9—10 августа. Один из очевидцев событий отмечал: «...начиная с 5 августа в городе чувствовалась какая-то растерянность и отсутствие информации о боевых действиях. Растерянность и отсутствие ориентировки имели место и в академии. ...слушатели добавляют, что тогда создалась в городе такая неразбериха и паника, что трудно было добиться каких-либо сведений не только о войсках белых, но и о действиях своих войск». И далее: «7 августа утром над городом видны были разрывы шрапнели; с какой стороны стреляют и кто, в городе вообще, и в академии, в частности, никто не знал. Началась паника, увоз имущества, некоторых учреждений, бегство жителей. ...8 августа вечером из Казани выехал находящийся там штаб армии...

Стало всем понятно, что город осаждается. В ночь на 9 августа в клубе местных коммунистов появилось известие, что чехословаки ворвались в город. На окраине города уже было слышно татаканье пулеметов и частая ружейная стрельба. Никакой перестрелки в районе расположения академии не происходило. 9 августа, рано утром, со всех сторон в город входили чехословацкие части, имея на руках белые повязки». Не раньше 9 августа «Начальник академии профессор Андогский поехал к старшему из войсковых начальников "белых", занявших город для представления и получения распоряжений. После возвращения через курсовых старост профессор Андогский передал, что властями, занявшими город, АГШ признается "государственным экстерриториальным учебным заведением"»³¹. В то же время, в летописи событий, хранящейся в личном фонде Троцкого, в качестве даты взятия белочехами Казани стоит 10 августа 1918 года³².

В таких условиях заявление о том, будто бы уже 5 августа «накануне падения Казани» Андогский «отказался принять участие в обороне города от наступающих белогвардейских войск» выглядит явно несостоятельным.

Можно говорить лишь о том, что Андогский, как и еще 21 член персонала АГШ, в начале августа 1918 г. оказался в распоряжении «белого» Комуча в силу стечения не зависящих от них случайных обстоятельств, главным среди которых стало стремительное наступление чехов весной-летом 1918 года. Важно отметить, что не преподаватели и студенты АГШ в начале августа 1918 г. «проникли на территорию, занятую чехословаками...», а, наоборот, чехи стремительно захватили территорию, где оказалась в данное время Академия.

Тот факт, что в начале августа 1918 г. Андогский оказался в распоряжении Комуча, не скрывали сами «белые». Это событие стало даже одной из причин возбуждения против Начальника АГШ следственного дела. Вот что писал в своем секретном отзыве по вопросу об избрании Андогского Начштаба у Колчака (от 7 декабря 1918 г.) генерал-лейтенант В.В. Рычков: «...генерал Андогский все время при большевиках был Начальником Академии, т.е. обслуживал эту проклятую власть и подготовлял красных офицеров Штаба, которые теперь сражаются с возрождающейся нашей армией. В Сибирскую армию Андогский явился не добровольно, чтобы искупить свою вину, а случайно был захвачен с красноармейскими частями и учреждениями в Казани при падении ее...»³³.

Оказавшись в распоряжении «белочешского» Самарского Комуча, Александр Иванович продолжал добросовестно управлять АГШ, о чем свидетельствуют, например, «рассчетные ведомости» на оклады и «квартирные деньги» «должностным лицам и слушателям Академии». Здесь же в Самаре Андогский продолжает принимать участие в работе конференции АГШ, что явствует, в частности, из протокола заседания конференции за 20 августа 1918 года. При Самарском Комуче Академия вместе со своим начальником пробыла, по крайней мере, до 23 августа 1918 года³⁴. Есть основания полагать, что выезд Академии из Екатеринбурга имел место в конце августа 1918 г. (решение о выезде штабом Сибирской армии было принято 13 августа). 3 сентября 1918 г. АГШ уже находилась в Томске и пробыла там до октября 1919 года.

Андогский продолжал свою военно-преподавательскую и учебно-административную деятельность и в дни Уфимской Директории. 14 сентября 1918 г. при штабе Сибирской армии создается специальная комиссия, состоящая из чинов Генштаба. В нее вошли как преподаватели АГШ, так и лица, занимавшие высшие командные должности в составе Сибирской армии. Не остался в стороне от этих дел и Андогский. Он принял самое активное участие как в организации означенной комиссии (именно он подал рапорт на имя П.П. Иванова-Ринова о необходимости ее создания), так и в ее работе. Возглавил комиссию генерал-майор Г.А. Белов³⁵. 5 октября в местной прессе было сообщено о назначении (с 18 сентября) «Начальника Всероссийской АГШ, экстраординарного профессора генерал-майора Андогского — Ординарным Профессором той же Академии, с оставлением в занимаемой должности»³⁶.

По некоторым данным Андогский являлся «действующим лицом» или даже «инициатором» колчаковского переворота 18 ноября 1918 года. Напри-

мер, В.Г. Болдырев, описывая события 18 ноября и предшествующие ему, отмечал, что «активная часть омского гарнизона... конечно, была подготовлена. Академики, руководимые Андогским, подготовили почву в самой ставке». В записи за 23 ноября 1918 г. Болдырев окрестил Андогского ««сотрудником” по перевороту»³⁷. Современный британский историк J.D. Smele вслед за Болдыревым полагает, что адмирал Колчак отплатил Андогскому «черной неблагодарностью» за подготовку переворота 18 ноября. По словам ученого, Андогский «...на несколько месяцев фактически был сослан в Томск вместе с курсантами Академии за свое сотрудничество с большевиками и за то, что осенью 1918 г. не перешел к “белым” через линию фронта»³⁸.

26 января 1919 г. Колчак отстранил его от руководства АГШ и командировал «...в распоряжение Командующего Иркутского ВО»³⁹, где Начальник Академии находился в резерве. При штабе Иркутского ВО Андогскому пришлось пробыть почти полгода.

Между тем, как следует из недавно опубликованных источников (в т.ч. архивных), в опале Александра Ивановича был «виноват» не только и не столько сам Колчак, сколько военное окружение адмирала. Вероятно, сказалась известная неспособность Колчака противостоять чужому влиянию, «...и легко поддаваться советам и уговорам»⁴⁰.

С начала осени 1918 г. вокруг руководства Академии, «побывавшей в большевистском плену», стали сгущаться тучи. Особой нетерпимостью в отношении АГШ вообще и ее Начальника лично отличался штаб Сибирской армии, который представляли преподаватели и профессора той же АГШ и другие офицеры Генштаба. Как ни странно, они называли «академиков» бездельниками, предателями и постоянно грозили расстрелом «ученых большевиков»⁴¹.

В таких условиях Колчак, даже если он действительно желал назначить Андогского своим Начштаба, не мог не считаться с настроениями, господствовавшими в военных кругах Омска. В конце концов, «...поскольку в городе ходили самые разнообразные слухи о связи [Андогского] с большевиками, то Верховный Правитель России перед тем, как принять окончательное решение, приказал провести предварительный опрос начальников строевых частей фронта, прощупывая тем самым, как будет воспринято в армии назначение лица, связанного с Брестским миром, на столь высокий руководящий пост». Опрошены были преимущественно выпускники АГШ, занимавшие у Колчака, как и в вооруженных формированиях других политических лагерей, ключевые должности. Результаты опроса говорили в пользу назначения Андогского на должность Начштаба, правда, при весьма незначительном большинстве: из 26 опрошенных 12 чел. проголосовали за его кандидатуру (среди них — генералы С.Н. Люпов, Б.П. Богословский, Голицын, А.М. Ионов), 4 не были ни за ни против (например, М.К. Дитерихс, И.И. Козлов), а 10 высказались против (например, генералы А.И. Дутов, Н.Т. Сукин, М.В. Ханжин, В.Р. Романов, В.В. Рычков, Ф.П. Панов)⁴². Самыми рьяными противниками назначения Андогского на должность Начштаба Верховного Правителя были генералы Рычков и Панов. Об этом можно судить по секретному отзыву Рычкова: «Генерал Андогский попал Начальником Академии по выбору Керенского, невзирая на то, что корпус Генштаба, которому было предоставлено право избрать Начальника Академии, высказался за другого. Ряд офицеров Генштаба (например, Рычков и Панов) настолько резко и категорично выступили (в т.ч. и в печати) против кандидатуры Андогского на должность Начштаба Главковерха, накаляя тем самым страсти в городе, что Колчак «посчитал благородным делом отослать Андогского куда-нибудь подальше из [Омска]»⁴³.

Начальнику академии генералу Андогскому, «энергичному дельцу и недурному организатору, пришлось долго “каяться”, чтобы очистить себе дорогу к положению, которое он занял потом в Омске»⁴⁴. Барон А.П. Будберг в дневниковой записи за 16 июня 1919 г., оценивая вышеописанные события, писал: «...он (Андогский. — В.К.) стал пользоваться уже известным влиянием на Адмирала, но на чем-то поскользнулся; тогда вытащили на рассле-

дование то, что он был начальником академии у красных, назначили следственную комиссию, а самого Андогского отправили в почетную ссылку в Томск»⁴⁵.

Отправной точкой, как в реабилитации Андогского, так и в его дальнейшем служебном продвижении, стал приказ верховного правителя Колчака от 16 июня 1919 г., который полностью отменял январский приказ, отправивший Андогского в иркутскую ссылку, а его пребывание в Иркутске рассматривал как служебную командировку. Окончательно Андогский был оправдан после расследования, проведенного Центральной следственной комиссией, не раньше весны 1919 года. Заслуга первоначального расследования т.н. «дела» Андогского принадлежит генерал-майору Менде (с 20 апреля 1919 г. — генерал-лейтенант). Для опроса свидетелей он выезжал в Томск, где беседовал с оставшимися не у дел профессорами АГШ. В итоге появилось весьма внушительных размеров «дело» (на 165 прошнурованных листах), которое поступило на дальнейшее рассмотрение в Центральную следственную комиссию при Военмине.

С 15 мая 1919 г. председателем Комиссии был назначен генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев. Приняв на себя ближайшее рассмотрение «дела» Андогского, Катанаев сразу столкнулся с проблемой, которую сформулировал в Докладе так: «Комиссии остается неизвестным кто собственно, в чем именно, и по каким данным обвиняет генерала Андогского и его подчиненных по Академии Генштаба...». Своим расследованием Катанаев поставил последнюю точку в «деле» Андогского⁴⁶.

1 июля 1919 г. Андогский, «...восстановленный во всех прежних правах и званиях, был назначен 1-ым Генквартром Ставки» адмирала Колчака. В его обязанности входило, в частности, представление на заседаниях колчаковского Совета министров докладов Ставки о положении дел на фронте⁴⁷. В начале августа 1919 г. полномочия Андогского весьма существенно расширились: кроме работы АГШ, он курирует деятельность управлений 1-го Генквартра, главного начальника ВОСО, полевого инспектора технической части, полевого инспектора артиллерии, 2-го Генквартра. С 12 августа 1919 г. до утверждения штата Александр Иванович исправляет должность первого помощника Начштаба Главковерха Колчака и «удовлетворяется содержанием... из оклада Командующего Неотдельной Армией...»⁴⁸.

Продвижение Андогского по служебной лестнице летом 1919 г. не помешало барону Будбергу подвергнуть его деятельность острой критике. Хотя вполне вероятно, что профессор Андогский, будучи в большей степени кабинетным ученым и военным педагогом, нежели стратегом, оказался не на высоте, когда дело коснулось управления непосредственно оперативной работой строевых частей. Вот что писал барон Будберг в своем дневнике 2 сентября 1919 г.: «Андогский с профессорским видом разглагольствует о присущей нашим войскам маневренности, что де проявлено ими под Челябинском. Печальное заблуждение господина профессора, видевшего войну только из кабинетов больших штабов и привыкшего копошиться в теории и жить в атмосфере трескучих фраз; этому уже совершенно не дано знать боевых коэффициентов войск; ему не дано понимать, что не может быть маневренности в сырых милиционных, не духом поднятых на брань толпах, руководимых малосведущим по специальности комсоставом; ему не дано знать, что наша старая кадровая армия была очень слаба по части маневренности...; ему не дано знать, что на настоящий маневр, да еще наступательный, у нас были способны только редкие, на перечет, дивизии...»⁴⁹.

Андогский вернулся к активной штабной службе в середине лета 1919 г., когда положение на Восточном фронте фактически уже было решено.

В 1920-х гг. Андогский не только продолжал преподавательскую деятельность на Дальнем Востоке, но и занимал ряд важных общественных должностей. 24 мая 1921 г. профессор Военной академии Андогский на имя декана факультета общественных наук (ФОН) Государственного дальневосточного университета Н.И. Кохановского подал прошение следующего содержания: «Прошу внести на Совет ФОН мое прошение о чтении лекций по

курсу истории русского права в 1921—1922 гг. в качестве приват-доцента или преподавателя. ...Во время перерыва в функционировании академии хочу продолжить педагогическую работу у вас» и получил согласие⁵⁰. В это же время Андогский продолжает свою научную и публицистическую деятельность. В 1921 г. во Владивостоке издается его очерк о Красной армии. В очерке Андогский попытался дать классификацию русского офицерства в дни «русской смуты» 1918—1920 гг. в соответствии с социальными настроениями различных его категорий. О решающей роли «лиц Генштаба» в создании и укреплении РККА в период гражданской войны бывший Начальник АГШ высказался вполне определенно: «Организация Красной Армии и оперативное руководство ее боевыми операциями были выполнены представителями старого Генштаба...»⁵¹.

В июне 1922 г. Андогский занял должность «...городского головы Владивостока»⁵². Находясь в этой должности, Андогский в конце августа 1922 г. возглавил делегацию Земского собора в Японию, миссия которой заключалась в том, чтобы добиться отсрочки вывода японских войск с Дальнего Востока. Кабинет министров Японии, однако, отклонил просьбу о займах и поставках оружия, поскольку, по мнению японской стороны, такой подход мог бы привести к обострению гражданского конфликта в Приморье⁵³. Последний этап жизни Андогского в России (до его эмиграции в Японию, а затем в Харбин) в литературе практически не освещен и до сих пор в нем многое остается неясным. По некоторым данным, председатель городской Думы Владивостока «...генерал Андогский отбыл на японском миноносце с наиболее ценной частью библиотеки АГШ». По другим — Андогский «...продал библиотеку японцам»⁵⁴. Однако скольконьбудь достоверных сведений, подтверждающих факт такой продажи обнаружить не удалось. Известно, что и в Харбине Александр Иванович продолжал вести военно-педагогическую работу⁵⁵. Умер Андогский 25 февраля 1931 г. в Харбине⁵⁶.

Андогский — одна из противоречивых фигур «русской смуты» 1917—1920 годов. Несомненная склонность Александра Ивановича к интриге явно повредила его репутации. Несмотря на то, что следствие по делу Андогского к началу осени 1919 г. полностью его оправдало, и «дело» было прекращено, однако, репутация предателя, авантюриста, интригана за ним осталась и преследовала его еще весьма долго.

С другой стороны, Андогский не только спас Академию от роспуска и уничтожения, но и всецело заботился о ней. В каком бы политическом лагере ни находился Александр Иванович: при царе Николае II, Временном Правительстве, при большевиках в РККА, или в «белых» частях Комуца, Уфимской Директории и Колчака, он везде старался обеспечить непрерывный процесс обучения во вверенной ему Академии Генерального Штаба.

Примечания

1. ПОЛОВЦОВ П.А. Дни затмения (Записки Главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М. 1999, с. 231.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5960, оп. 1, д. 4, л. 10; Государственный архив Приморского края (ГАПК), ф. 117, оп. 6, д. 2, л. 1—10б.
3. Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург. 2002, с. 11.
4. ГАПК, ф. 117, оп. 6, д. 2, л. 1—10б.
5. Положение об ускоренной подготовке офицеров в Императорской Николаевской Военной Академии в течение настоящей войны. Петроград. 1917, с. 1—14.
6. ГАРФ, ф. 5960, оп. 1, д. 4, л. 10—11.
7. Там же, л. 10.
8. ЛОСУНОВ А.М. «Дело» генерала А.И. Андогского. — Известия Омского Государственного историко-краеведческого музея. Омск. 1999, № 7, с. 194.
9. Исторический архив, 2001, № 6, с. 407.
10. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 33892, оп. 1, д. 8, л. 30б; ГАРФ, ф. 5793, оп. 1, д. 45, л. 6.
11. Там же.

12. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Николаевская Военная Академия при Временном Правительстве. — Военно-исторический журнал, 2002, № 9, с. 40.
13. ГАРФ, ф. 5960, оп. 1, д. 4, л. 10, 11, 165, 273—274.
14. ГОППЕР Г. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, б/г., с. 84.
15. ГАРФ, ф. 5960, оп. 1, д. 4, л. 242, 247, 276—277, 327—329.
16. Там же, л. 10.
17. А именно: 2-х сыновей (Леонтия и Всеволода) и 4-х дочерей (Любови, Ирины, Веры, и Татьяны). РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 4, л. 485, 488.
18. ВЕРЦИНСКИЙ А.Э. Год революции. Воспоминания офицера Генштаба 1917—1918 гг. Таллинн. 1929. с. 50; КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 59, 66; ДАНИЛОВ Ю.Н. На пути к краху (Очерки из последнего периода русской монархии). Москва. 1992, с. 247.
19. Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 577.
20. ГАРФ, ф. 5960, оп. 1, д. 4, л. 275—277, 332.
21. РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 4, л. 421, 531, 532.
22. Положение об ускоренной подготовке офицеров в Имераторской Николаевской Военной Академии в течение настоящей войны. Петроград. 1917, с. 4, 7.
23. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 90, л. 208.
24. ГАРФ, ф. 5960, оп. 1, д. 4, л. 297, 300—301, 310.
25. РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 37, л. 13—15об.; БУДБЕРГ А.П. Дневник. 1919 год. Архив Русской Революции. Т. 14. Берлин. 1924, с. 306.
26. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 90, л. 66, 68, 119; ф. 33892, оп. 1, д. 88, л. 5об, 8—12 об.; д. 89, л. 90об., 103, 103об., 104об., 168об.
27. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 194.
28. РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 4, л. 421, 440, 485, 488—491, 506—507, 509, 531, 532, 546; Собрание оперативных телеграмм Вацетиса, с. 41, 62, 74, 244, 258, 261.
29. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 87—88; его же. «Советское Рабоче- Крестьянское Правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения». — Военно-исторический журнал, 2002, № 10, с. 36.
30. Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений Главкома Восточным (Чехословацким) фронтом товарища Вацетиса. М. 1918, с. 244, 258; Каппель и каппелевцы. М. 2003, с. 359; PIPES R. Russia under The Bolshevik Regime 1919—1924. London. 1995, p. 26, 515.
31. Известия Наркомата по военным делам (ИН), № 170, 23 ноября 1918 г.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 325, оп. 1, д. 466, л. 2.
33. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 197. РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 39, л. 61.
34. ГАРФ, ф. 5960, оп. 1, д. 4, л. 423; РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 4, л. 507, 525; д. 7, л. 76, 80; д. 89, л. 187об.; ф. 39465, оп. 1, д. 6, л. 34.
35. РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 89, л. 208об., 226.
36. Сибирский вестник, № 38, 5.X.1918; ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 194.
37. БОЛДЫРЕВ В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск. 1926, с. 110, 117; ПЛОТНИКОВ И.Ф. Александр Васильевич Колчак: жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону. 1998, с. 163, 194, 229; СЕРЕБРЕННИКОВ И.И. Мои воспоминания. Рига, б.г., с. 84.
38. SMELE J. D. Civil War in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge University Press. 1996, p. 242—243.
39. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 194, 198.
40. БОЛДЫРЕВ В.Г. Ук. соч., с. 105; БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., с. 241.
41. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 196—197.
42. ГАРФ, ф. 189, оп. 1, д. 7, л. 1—1 об., 39 об.; ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 196. Богословский окончил АГШ в 1912 г.; Дитерихс — в 1900, Козлов — в 1893, Люпов — в 1899, Панов — в 1898, Романов — в 1894, Сукин — в 1908. Дутов и Ионов окончили АГШ, но к Генштабу на 8 февраля 1917 г. причислены не были. Ханжин окончил Михайловскую Артиллерийскую Академию. Список Генштаба, с. 39, 51, 72, 105, 121; ГАРФ, ф. 952, оп. 3, д. 28, л. 5; РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 39, л. 60—61об.
43. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 196—197.
44. БОЛДЫРЕВ В.Г. Ук. соч., с. 58—59.
45. БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., с. 291.
46. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 199.
47. БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., т. 15, с. 291, 306. По другим данным, Андогский занял должность 1-го Генкварт Колчака 18 июня 1919 г.; ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 194.
48. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 194.
49. БУДБЕРГ А.П. Ук. соч., т. 15, с. 296.
50. ГАПК, ф. 117, оп. 6, д. 2, л. 1—1об, 2.
51. АНДОГСКИЙ А.И. Как создавалась Красная Армия Советской России (уроки недавнего прошлого). Критико-исторический очерк. Владивосток. 1921, с. 27—29.
52. Вестник Временного Приамурского правительства, № 34, 17.VI.1922. ЛОСУНОВ А.М. Ук. соч., с. 194.
53. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. 44, оп. 1, д. 147, л. 93.
54. ГАХК, ф. 44, оп. 1, д. 147, л. 24; СОНИН В.В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток. 1987, с. 11.
55. Екатеринбург. Энциклопедия, с. 11.
56. Руль (Берлин). 8 апреля 1931; Русское слово (Харбин). 26 февраля 1931.